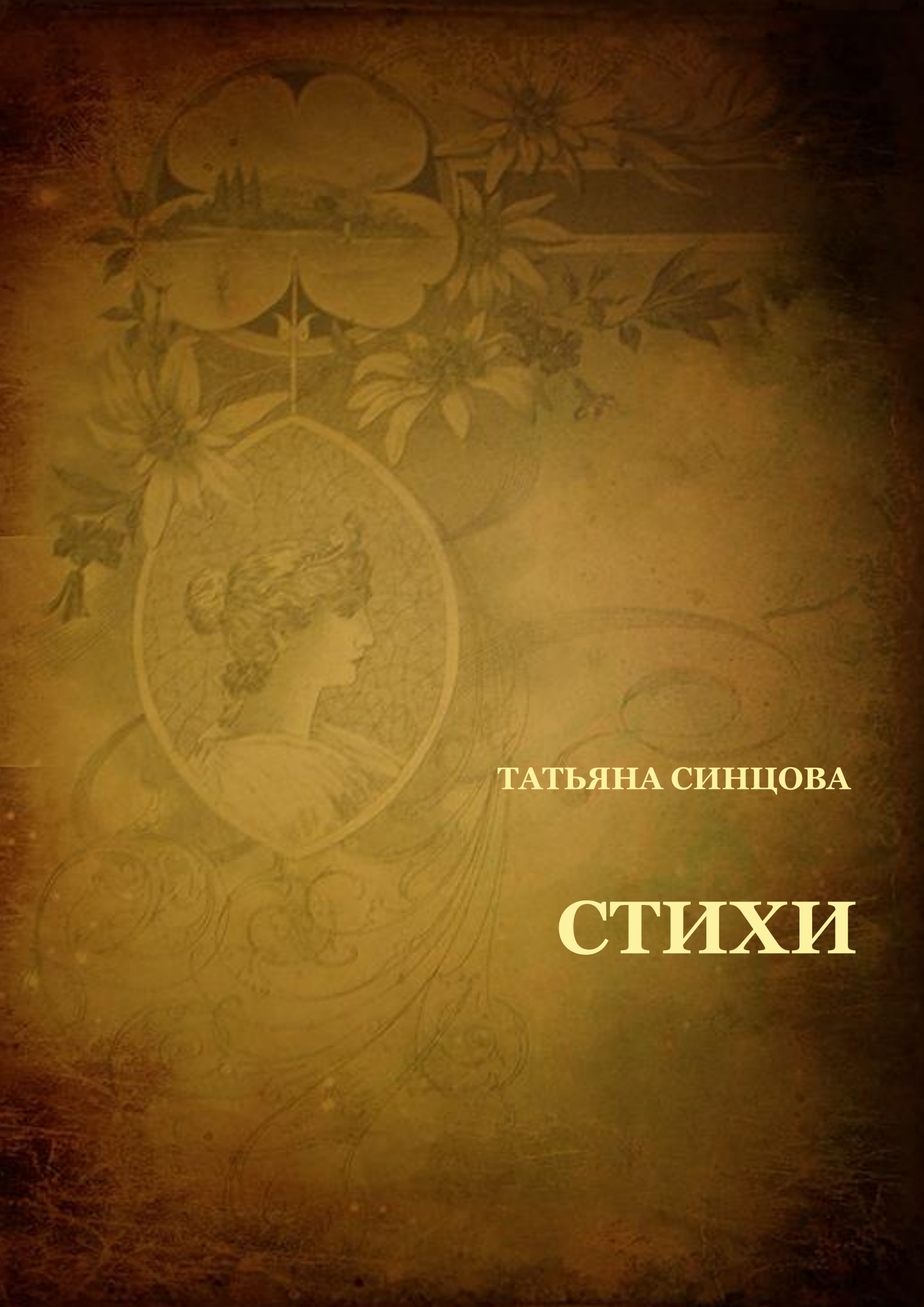


ТАТЬЯНА СИНЦОВА

СТИХИ

ЖИЗНЬ УСТРОЕНА НЕСПРАВЕДЛИВО

Пименов Юрий Иванович (1903-1977). У решетки.

Жизнь устроена несправедливо.
Вдоль всей ночи, ломая камыш,
Дует северный ветер с залива
И гремит черепицею крыш.

Под луной ли, под солнцем – едино
Одиноко и горестно жить.
Не встречаются эти светила,
Не дано им друг друга любить.

Им кружится по небу в печали,
Догоняя друг друга, стареть.
Одному – не согреться ночами,
А другому - его не согреть.

* * *

Кажется, я уезжаю.
Желтые вихри кружат
Над почерневшим сараем,
Астрами мерзлыми над.

Думы все проще, все глуше
Сердца усталого стук.
На омертвелую душу
Падают листья разлук.

Нет, он совсем не бездельник
Ветреный мой листопад.
Вот и пришел понедельник
В кружеве ржавых оград.

Старый насупился ельник,
Стынет кудрявая сныть.
Только бы до богадельни
Не получилось дожить.

И.И.Левитан. Осень. Усадьба.

* * *

Говорила мама: Махотка».
Говорила бабка: «Ну-к, что ж».
Стала тихой, ясной и кроткой,
Как луна – желтеющий грош.

Говорил отец: «Блинцы, жамки», -
Вместо пряников и блинов.
И носила я полушалки,
И доила рыжих коров.

И кормила кур, жала просо,
И ждала овец у ворот,
И не задавала вопросов,
Знала: все, что будет – пройдет.

Упадет в подол наливное
Яблоко крутые бока.
Что случится завтра со мною,
Я живу, не зная пока.

Венецианов Алексей. Крестьянка с бабочками. 1820.

ШЕСТОЕ АВГУСТА

Огрызок месяца глядит в мое окно.
Шестое августа двенадцатого года.
Шипит от раздраженья непогода,
И колется судьбы веретено.

Шестое августа – по-старому июль.
По-новому – еще не утонула,
И лишь легла на курс и повернула,
Послушная подводному рулю.

Шестое. Наливается налив,
Но маетно и беспокойно глазу.
Душа летит к спасительному Спасу,
Стремительные два крыла сложив.

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878-1939)

ГАЛОЧКЕ

Князь мой, свет мой! Ты ли, что ли?
Слышишь, в поле – ковыли?
Видишь, видишь - в чистом поле
Неба больше, чем земли?

Князь мой, муж мой! Ясный сокол!
Долетит твоя стрела.
Ах, какая там Европа -
Когда два таких крыла!

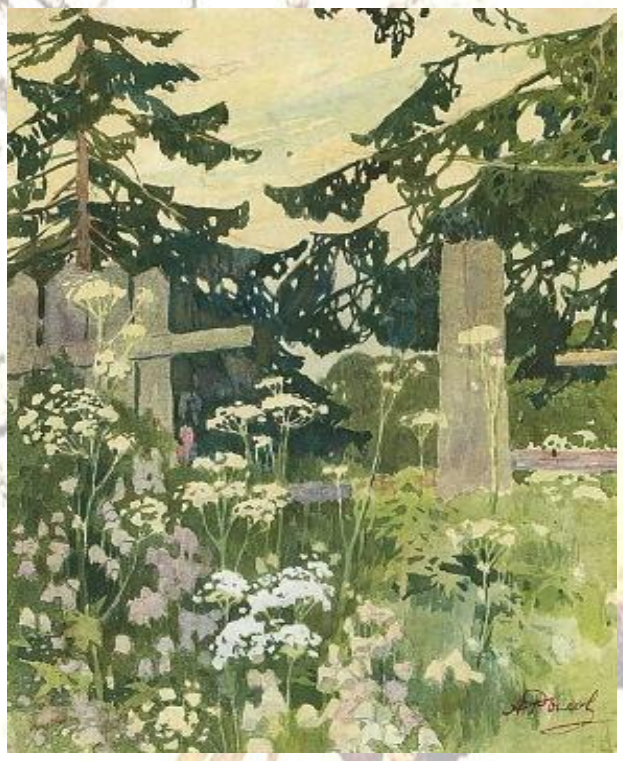
Князь мой! Свет сияет чистый
Над морями ковылей.
Ничего с ней не случится,
Сокол, с родиной твоей.

Васильев Константин. На Калиновом мосту.

* * *

Я не люблю осенние цветы.
Мне мнится в них вечерняя усталость,
Как будто им одна осталась малость –
Дождаться непроглядной темноты –
И сгинуть, как и мне. Дрожат листы -
Трепещут и прощаются заранее.
На грани горестно качаются герани,
И глохнет сад в пучине пустоты.

Печальных слов не говори и ты –
Я не люблю осенние цветы.



Рылов Аркадий Александрович. Полевая рябинка.

* * *

Я шатаюсь по больницам –
По одной - и по другой.
Там заплаканные лица
И приемный беспокой,
Там стеклянные пробирки -
В них анализы берут,
В дохлом теле колют дырки,
Кровь последнюю сосут.
Няньки, сестры, полотенца,
Душегубы, палачи.
Ах, куда, скажите, деться
Посреди глухой ночи...

Виноградов Сергей Арсеньевич. У часовни. 1892.

ТРЕТИЙ АНГЕЛ

У меня осенняя истерика,
Падает на коврик бутерброд.
Издалёка – с неземного берега
Машет переехавший народ.
На земном давно - полчеловечка –
Ни души родной, ни огонька.
Оплывает, догорает свечка,
Отдаляются два берега.
За рекой три посиневших ангела
Песню заунывную поют.
С вечера еще совсем жива была –
Нынче мне уж лодку подают.
Поплыву, чего там, видно времечко –
Третий ангел ловко так гребет,
Целится веслом в седое темечко,
Усмехается во весь щербатый рот.
Погоди же! Нам дорога длинная,
Неизвестно, кто еще кого –
У меня самой звезда полынная
И судьба – горчее горького.

Врубель М.А. Шестикрылый серафим. 1905

Жуковский Станислав Юлианович (1873-1944)

* * *

Фикус куплю и поставлю на полку.
Книгу раскрою, возьму леденец.
Погоревали – и будет: без толку.
Нитка – к иголке, к началу – конец.

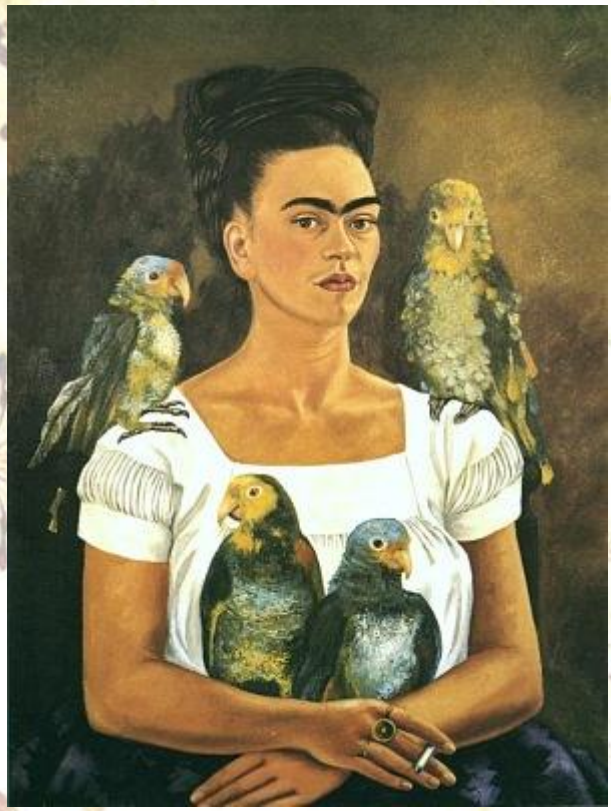
Кажется, снег никогда не растает.
Кажется, вовсе не будет зимы.
Души людей по ночам отлетают
К дальним мирам, горизонтам иным.

Надо не спать, чтобы не улетела,
Чтоб не подумала: там ей теплей.
Чтоб не осталось бездушное тело
Големом голым бродить меж людей.

Фикус, фиалка, дешевые пяльцы,
Вечный пиковый к тебе интерес.
Страшно! Придется душе пробираться
Сквозь заколдованный Химкинский лес.

Наворожу: налетит, раскурочит
К чертовой матери чары химер.
Неумолимое близится к ночи
Время в гостинице –

«АНГЛЕТЕР»...



Frida Kahlo. Me and My Parrots. 1941.

Я давно сова ночная.
Мертвецов по именам.
Выкликаю – тени тают,
Ближе к утренним часам.

А иные - спозаранку:
Брюки, галстук и пиджак.
И в глухую несознанку –
Взгляд колючий, как наждак.

Закричать бы – да нет мочи,
Зареветь – да не могу.
Ближе к ночи, ближе к ночи
Бродят кони на лугу.

Караульщики уснули
Головою к голове.
И серебряные пули
Раскатились по траве.

Рассвело. Как ни старалась,
По-совиному трубя,
Два коня всего осталось:
Для тебя и для меня.

* * *

Иван Грабовский. Баржи на Фонтанке.

Из декабря змеею выползая
С боками рваными, ободранным хвостом,
Из-под земли, из рухнувшего рая
Из мрака под ван-гоговским мостом,

Из-под обломков – падая, цепляясь
За острый наст у старого куста,
Бреду в бреду к есенинскому маю
Дюймовочкой, сбежавшей от крота.

Проваливаюсь и шепчу: «Ах, если б
Мне доползти до ландышей в траве,
Дожить до дней, когда иные песни
Заколоколят в звонкой вышине,

Когда звезда растопит лед канала,
Сугробы у аптеки, и фонарь
Мне закивает, - выдохну: «Я знала,
Что перейду через тебя, декабрь...»

Шишкин Иван. Цветы у забора. Середина 1880-х.

* * *

Я люблю все простое и ясное,
Как умытый росою рассвет.
Ничего не дается напрасно нам,
Сверхъестественного – тоже нет.
Где деды' похоронены – там и мы
Ляжем в землю, и корни травы
Вознесут наши души к мирам иным -
Упоительно вечно живым.

Добужинский М.В. (1875 -1957)

* * *

Первый снег – последний.
Головою вниз
В уголке передней
Красный зонт повис.

Галка на заборе.
На столе – стакан.
Не допито горе,
Душит, как аркан.

Вышибаю клином
Деревянным я.
За окном – рябина,
Ягода моя.

За окном последний
Умирает снег.
Тапочки в передней.

Двадцать первый век.

Куликов И.С. Таня с бантиками. 1927.

* * *

Старый колодец, дырявая баня,
Северный серый гранит –
На перекрестке девочка Таня
В белой панамке стоит.

Время сожгло, словно и не бывало
Бабочки в детском сачке,
Белой панамки, девочки Тани
С ветреницей в кулачке.

Виктор Михайлович Васнецов.
Ангел с лампой. 1887-86.

* * *

Какая странная затея
В ночи, в печали, в тишине
Ловить усталый взгляд, робея,
Того, кто помнит обо мне,
Ласкать потрепанные крылья…

О, ангел мой! Пусть рвется нить.
Свои бесценные усилья
Не трать, чтоб жизнь мою продлить.

Не подведу тебя, не струшу.
Не бойся – отпусти, любя,
Мою бестрепетную душу,
Лети один. Оставь меня.

Васильев Константин Алексеевич (1942-1976). Гадание.

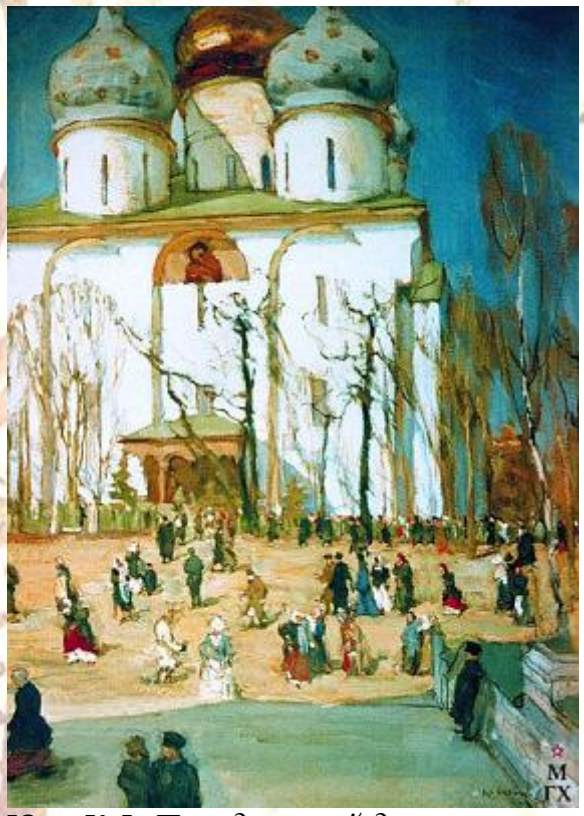
* * *

Устав от света белого,
В колодец загляну -
Увижу переспелую
Купальницу-луну.

Качается отчаянно
И плещется вода,
И плачется случайная
Утопшая звезда.

И стонет, и печалится,
И манит, и зовет:
- Иди сюда, красавица,
В колодце тёплый лед!

А сердце мое мается!
Душа моя - на дне.
Одна луна-купальница,
Как прежде, в вышине



Юон К.Ф. Праздничный день, 1903.

* * *

Облетела осенняя яблоня,
Оголила извивы ствола.
Это я, дорогой, это я была -
Образа, бирюза, купола.

Отлиняв, отгорела пожарами,
Колокольню склонила на бок.
Не жалеет меня и не жалует
Твой слепой и глухой русский Бог.

У него самого лапти драные,
У него – просто дыра-сума.
Упаду я на землю туманами,
От которых ты сходишь с ума.

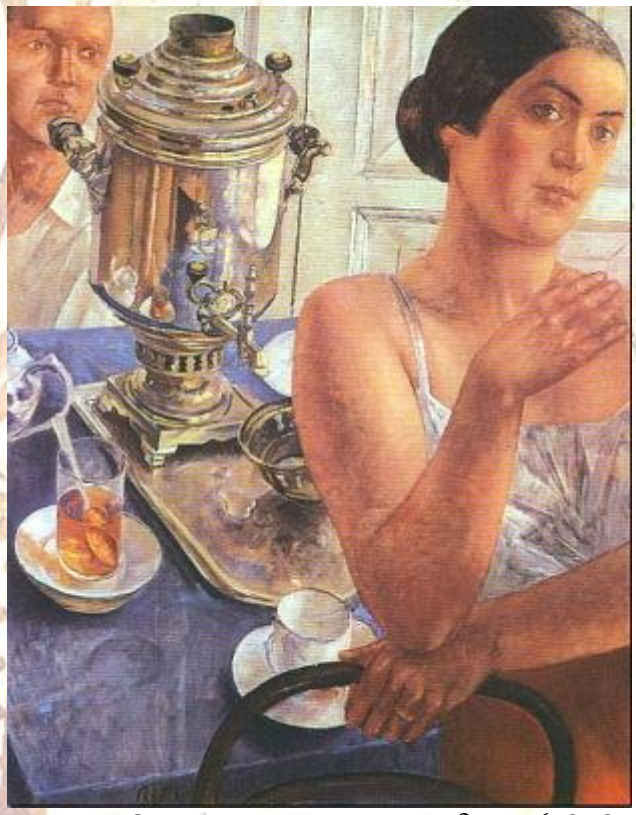
Растекусь синеглазыми реками,
Не удержат меня берега.
Талисманами и оберегами
Дотянусь до тебя сквозь века.

Засмотрюсь среди лета снегурочкой
В неподвижную водную гладь.
Не от мира – нелепою дурочкой -
Ни жена, ни невеста, ни мать.

Крамской Иван Николаевич. Девушка с распущенной косой. 1873.

* * *

Человек – прочитанная книга,
Мятые страницы и углы.
Как всегда мне не хватило мига,
Чтобы удержаться за стволы
рыжих сосен, вереска лесного
кружевной сиреневый ковер.
Прочитай ты мою повесть снова
прежде, чем бросать ее в костер.
Пожелай чего-нибудь земного -
Не люблю унылые кресты.
Не бросай ты на мою дорогу
Желтые разлучные цветы.
Человек – вселенная без края,
Световые миллионы лет.
Я давно не та уже - другая,
Ты – другой.
А кажется, что - нет.



Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878-1939). У самовара, 1926.

* * *

Ничего, что я устала?
Не ругайся. Ты пойми –
Не могу начать сначала –
Выгорела от любви.
Вместо сердца –
Серый пепел.
В этом нет твоей вины -
Снятся блоковские степи
От войны и до войны,
Глина желтая, пожары,
В жилах бешеная кровь.
Прогони или пожалуй -
Я растратила любовь
До последнего до донца,
До последнего гроша.
Месяц под моим оконцем
Проплывает, не спеша,
А на станции бедовый
Веселится машинист –
Паровозик бестолковый,
Из трубы задорный свист...

Грабарь И.Э. Золотые листья, 1901.

* * *

Пишу о разлуке,
Как будто бы рядом
Тревожные руки, печальные взгляды.
Как будто бы сердце стучит –
А на деле все чувства к тебе
Давно охладели.

Вечерние флоксы,
осеннее чувство.
Как будто сбылось –
И осталось чуть-чуть, но
Качаются ветки,
Предчувствуя осень...
Не будет ответа.

Никто и не спросит.

* * *

Умерла, так умерла.
А живой когда была?
Я давно не вспоминаю,
вот такие вот дела.

Белый вечер, синий цвет –
ни мышонка рядом нет,
ни котенка, ни щенка.
На ночь говорю: «Пока!»
Тихо выключаю свет.
Меня – нет.

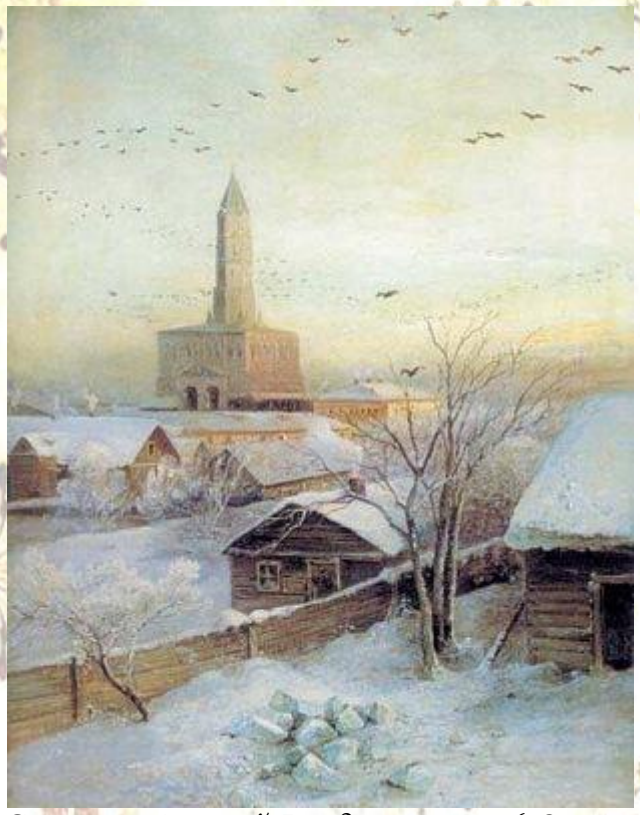
Васильев Константин Алексеевич (1942-1976).
Русалка.

* * *

Зеленая ящерка,
Камень-малахит,
Повиликой стелется,
По траве бежит.

Изумруды-яхонты,
В росах чешуя.
Как умру, так в ящерку
Превращусь и я.

Мне недаром чудится
Камень-малахит,
А нем – забавная
Ящерка сидит.



Саврасов Алексей Кондратьевич (1830 - 1897)

* * *

Помоги нам, Господи, -
Леденеет кровь
На остылых росстанях
Утром на Покров.

* * *

Когда, измаявшись от боли,
Раскрою синюю тетрадь,
Начну, забыв о горькой доле,
Кривые ветки рисовать,
Когда вечернею порою
Сплетаю нити в три креста,
Неспешной занята игрою,
Я понимаю, как проста
И, в сущности, обыкновенна
Земная жизнь: морская пена,
Трава, синица у куста
И ослепительный покров
над самым лучшим из миров...

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878-1939). Натюрморт (с женской головкой). 1921

* * *

Тепло и тихо. Мир мой сник,
Скукожился с овчинку серую.
И гаснут вдоль дорог огни,
И рушится все, что ни делаю.
Горчит рябина, вяжет рот
Сухая падалица с дерева.
А время, знай, идет вперед,
И рушится все, что ни делаю.
Какие наступают дни,
Какие грозные, веселые!
Нечаянно сметут они
Все нездоровое и квелое.
Родится новый мир из тьмы,
Заставит старый содрогнуться,
Тот переломится, и мы
Еще успеем ужаснуться.